

О. А. ДЕРЖАВИНА

Задачи изучения переводной повести и драматургии XVII в.¹

Русская литература, как и всякая иная литература, развивалась в постоянном взаимообщении с литературами соседних стран. Многие заимствуя частью из стран Востока, частью из Византии и с Запада, она в свою очередь делилась своими богатствами с соседними — в древнем периоде главным образом славянскими — странами. Это общение, особенно с Западом, продолжается как в XVIII, так и в XIX, и в XX вв., когда русская литература стала занимать одно из ведущих мест в мировой литературе.

Изучение истории русской литературы в любой из периодов ее развития немыслимо без учета этого взаимообщения. В частности, XVII век требует в этом плане особого внимания, так как в этот период в русском обществе наблюдается повышенный интерес к западноевропейской науке, литературе, к театру, к переводным произведениям вообще.

Как справедливо указала В. Д. Кузьмина, причины расцвета переводческой деятельности в XVII в. еще ждут своего пристального изучения и объяснения, так как «вопрос о предпосылках широкого развития переводов на Руси в XVII веке до сих пор не привлекал специального внимания исследователей».²

Среди этих предпосылок исследователи указывают прежде всего на то, что устои феодализма на Руси в этот период начинают расшатываться, крепнут буржуазные связи, складывается всероссийский рынок; одновременно с этим в силу ряда исторических причин оживляется и становится более интенсивным общение русских людей со своими западными соседями, знакомство с культурой других народов. То и другое влечет за собой перемену в мировоззрении русских людей той эпохи.

В докладе на IV съезде славистов М. П. Алексеев указал,³ что в XVII в. в Русском государстве становится особенно заметным интерес к науке и литературе эпохи Возрождения, повышавшийся у нас от десятилетия к десятилетию. Русское общество привлекают математические науки, ботаника, химия, практическая биология, медицина.⁴ В XVII в. у нас переводятся «Физика» Аристотеля, «Космография» Меркатора,

¹ Настоящая статья рассматривает вопросы, связанные с изучением переводной повести и отчасти драматургии XVII в., не касаясь других видов переводных произведений, в частности поэзии. О ней см. статью А. М. Панченко (настоящий том, стр. 256—273).

² В. Д. Кузьмина. Проблемы изучения переводной литературы древней Руси. — ТОДРА, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 13—20.

³ М. П. Алексеев. Явления гуманизма в литературе и публицистике древней Руси (XVI—XVII вв.). М., 1958.

⁴ Т. Райнов. Наука в России XI—XVII вв. М.—Л., 1940.

зоологический трактат Улисса Альдрованди, анатомический труд Везалия, «Селенография» Гевелия. Эти книги, выбранные разборчиво, со вкусом и пониманием, обнаруживают живой интерес русского читателя к достижениям западноевропейской научной мысли; они открывали перед ним новые горизонты и давали возможность по-новому взглянуть на явления природы и жизнь человека. Интерес к человеку, к человеческому характеру — типичная черта эпохи гуманизма — появляется у нас именно в XVII в. Примеры этому мы находим в современной оригинальной литературе. Русские писатели именно в эту эпоху «открыли» человеческий характер, начали задумываться над его противоречиями. Не случайно, что в XVII в. русским людям стали известны и педагогические учения западных гуманистов: Симеон Полоцкий ссылается на Яна Амоса Коменского, широкой популярностью пользуется педагогический трактат Эразма Роттердамского, озаглавленный в русском переводе «Гражданство обычаев детских».⁵

Художественная переводная литература занимает в XVII в. значительное место в общем ходе развития русского общества и русской литературы. Рядом с научными трактатами переводятся произведения литературные — романы, повести, целые сборники повестей нравоучительного и развлекательного характера; переводятся пьесы для придворного театра царя Алексея Михайловича, сборники басен и стихов, поэтики. Переводы делаются с латинского, новогреческого, немецкого языков и чаще всего с польского. Русский читатель знакомится в этот период с западноевропейским рыцарским романом, с новеллой, типичной для эпохи западноевропейского Возрождения,⁶ а в переводах с греческого языка, которые принадлежали обычно ученикам и преподавателям Киево-Могилянской академии в Киеве и Славяно-греко-латинской академии в Москве, с рядом произведений античной литературы («Метаморфозы» Овидия, басни Эзопа,⁷ «Илиада» Гомера).

Переводная литература пользуется в XVII в. широкой популярностью, она охотно читается, переписывается и в новой для нее среде начинает жить новой жизнью: западноевропейский роман приобретает русские бытовые черты (повесть о Бове королевиче), герои персидского эпоса превращаются в могучих русских богатырей (Еруслан Лазаревич), западноевропейские анекдоты рядом с оригинальными русскими сатирическими произведениями обличают недостатки русской действительности (фацеции), а особенно полюбившиеся сюжеты обрабатываются в пьесы (повесть об Оттоне и Олунде, повесть о Мелюзине), становятся широко популярными, используются лубочной литературой, подхватываются народом и превращаются в сказку (повесть о купце, заложившемся за честь жены).

Просматривая список произведений, которые были переведены на русский язык в XVII в., невольно поражаешься их разнообразию: здесь и авантюрный роман (повесть о Бове королевиче, повесть о Петре Златые ключи и ряд других), и нравоучительные легенды (сборник «Великое Зерцало»), и апокрифы (сказание об Иуде предателе или рассказ о странствующем жиде), и веселые анекдоты (фацеции), и пьесы для театра.

Все это богатство жанров и сюжетов идет к нам преимущественно через Польшу, частично через Германию. Переводы в большей своей

⁵ М. П. Алексеев. Эразм Роттердамский в русском переводе XVII в. — Славянская филология, Сб. статей, I. М., 1958, стр. 275—330.

⁶ См. в сборнике фацеций ряд новелл из «Декамерона» Боккаччо.

⁷ См.: Описание изданий гражданской печати 1708—январь 1725 г. Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. М.—Л., 1955, №№ 58, 64, 73, 229 и стр. 504—514.

части делаются любителями литературных новинок по собственному почину. «Наши грамотей каким-то чутьем находили в польской литературе знаменитые новеллы и романы и передавали их на своем языке», — писал А. Н. Пыпин.⁸

Но ряд книг переводится и по специальному указанию, причем перевод поручается определенным лицам, главным образом переводчикам Посольского приказа, хотя они и не были подготовлены к литературной работе.⁹ Так было переведено по желанию царя Алексея Михайловича и под присмотром его духовника протоиерея Постникова «Великое Зерцало», так переводились пьесы для придворного театра и другие литературные и нелитературные произведения.¹⁰

Интерес к переводной научной, нравоучительной и развлекательной литературе объясняется в XVII в. различными причинами: общими, указанными выше и обусловленными процессом исторического развития русского общества, и индивидуальными для каждого отдельного произведения. Последние причины необходимо по возможности вскрыть и уточнить. Можно, например, поставить вопрос: почему понадобилось переводить на русский язык такой на первый взгляд сугубо католический сборник, как «Великое Зерцало»? А. И. Клибанов в своем докладе о возникновении сектантства на Руси¹¹ указал, что в XVII в. в русском обществе начинает появляться свободомыслие, своеобразный рационализм. Появляются люди, которые утверждают, что бога нет, что свет сам по себе стоит, что нет ни царства небесного, ни вечной муки. Нельзя ли предположить, что именно против этих вольнодумцев и была направлена нравоучительная, идущая с Запада книга, в которой в ярких картинах показывались и райское блаженство, и мучения грешников, повествовалось о чудесах, совершаемых представителями христианского олимпа, и прославлялись бог, богородица, ангелы и святые? Полезными казались и те рассказы «Зерцала», где раскрывались и осуждались пороки духовенства. Такие явления наблюдались и в русской жизни. По мысли организаторов перевода, подобная критика должна была укрепить церковь, потерявшую к XVII в. свое ведущее положение, очистить ее от недостатков. С другой стороны, «Великое Зерцало» давало возможность читателю расширить круг чтения, связанного с вопросами религии и церкви, ограниченного до этого лишь «священным писанием» и творениями отцов церкви. Это также могло быть причиной, почему царь Алексей Михайлович оказался инициатором перевода этого любопытного сборника, которому суждено было сыграть на русской почве такую большую и заметную роль.

Среди переводных повествовательных произведений первое место занимают авантюрные романы и повести, часто с весьма запутанной фабулой, со сказочными приключениями героев. Таковы повести о Бове, о Петре Златые ключи, об Оттоне и Олунде, о Василии Златовласом, о короле Брунцвике, о королевице Валтасаре, об Аполлонии Тирском, о Мелюзине. Такие же занимательные повести с фантастическими подробностями русский читатель находил и в сборниках «Римские деяния» и «Повесть о семи мудрецах».

⁸ А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1857, стр. 250—251.

⁹ См.: А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903, стр. 42—45.

¹⁰ См.: В. П. Зубов. Литературный памятник итальянского Возрождения в русском переводе конца XVII в. — ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 433—439.

¹¹ Доклад был сделан на заседании Сектора феодализма Института истории АН СССР 12 X 1962.

На втором месте стоят сборники притч, басен, анекдотов, на третьем — нравоучительные и апокрифические легенды. Впрочем, если сравнить число новелл, вошедших в «Великое Зерцало», с прочей переведенной в XVII в. повествовательной литературой, то окажется, что нравоучительная новелла займет среди этой литературы первое место: в полных русских списках «Великого Зерцала», как известно, заключается около 850 рассказов.

Обширная переводная литература XVII в. изучена еще сравнительно мало, в то же время ее детальное и всестороннее исследование является насущным и неотложным делом советской литературной науки. Особого внимания требуют прежде всего повествовательная литература и драматургия.

Если мы просмотрим обзор трудов, посвященных изучению русской повести и переводной повествовательной литературы, в частности вышедших до 1917 г., и их анализ, данный Н. К. Пиксановым в его книге «Старорусская повесть»,¹² мы убедимся, что, несмотря на огромные заслуги дореволюционного литературоведения в области изучения переводной литературы, эти работы уже не могут удовлетворить современным требованиям, предъявляемым к научному исследованию. Состояние науки во второй половине прошлого века и литературная и идеологическая борьба того времени обусловили характер исследований виднейших ученых и привели к тому, что эти исследования в большинстве представляют собой лишь первоначальный этап в изучении того или иного произведения. Они знакомят читателя с текстом повести, романа или сборника повестей в одном из известных исследователю списке, уточняют, является данное произведение оригинальным или переводным, в ряде случаев определяют его источники, время и количество переводов. В этой области дореволюционное литературоведение имеет ряд непрерываемых достижений. Работы Ф. И. Буслаева, А. Н. Веселовского, А. Н. Пыпина, С. Л. Пташицкого, из западных ученых — М. Мурко, К. Крумбахаера и других являются тем фундаментом, на котором советская наука должна строить изучение как оригинальной, так и переводной повести.¹³

К сожалению, до последних лет дальнейшее изучение переводной литературы почти не двигалось вперед. Дело в том, что изучение переводных произведений неизбежно влечет за собой вопрос о связях и взаимовлиянии русской литературы и литератур зарубежных стран. Этот вопрос в советском литературоведении в течение долгих лет не мог быть поставлен с необходимой широтой. Имя А. Н. Веселовского — крупнейшего специалиста в деле изучения международных литературных связей — было под запретом. Это привело к тому, что советские ученые не имели возможности серьезно заниматься переводной литературой. Только теперь, когда кончились ограничения, связанные с эпохой культа личности, когда восстановлены значение и ценность работ такого выдающегося ученого, каким был А. Н. Веселовский, оказалось возможным по-настоящему подойти к проблеме изучения переводной литературы, как повествовательной, так и драматургии.

¹² Н. К. Пиксанов. Старорусская повесть. Госиздат, М.—Пгр., 1923, стр. 17—38.

¹³ См. обзор работ ученых XIX—начала XX в. в упомянутой книжке Н. К. Пиксанова и в книге «Древнерусская повесть» В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской (М.—Л., 1940, стр. 14—17).

В области изучения последней в прошлом сделано немало: изданы тексты драматических произведений конца XVII—начала XVIII в., ставившихся в придворном театре царя Алексея Михайловича и на любительской сцене театра царевны Наталии Алексеевны,¹⁴ написан ряд статей и исследований,¹⁵ но все же и в этой области ряд вопросов требует дополнительного изучения. Совсем недавно был найден список «Артаксерксова действия» — пьесы, считающейся утерянной и не вошедшей в издание Н. Тихонравова.¹⁶ Возможно, будут обнаружены и другие считающиеся утерянными пьесы. Весь театральный репертуар, как оригинальный, так и переводный, ждет нового научного издания и тщательного изучения, последний — в свете взаимосвязей и взаимообобщения русской литературы с литературами славянских народов и европейских стран.

Работы, посвященные изучению переводной литературы XVII в. и вышедшие в СССР с 1917 по 1959 г., указаны в ряде библиографических справочников, появившихся в печати в последние годы.¹⁷ Это большей частью статьи, посвященные тому или иному вопросу, связанному с каким-либо произведением,¹⁸ реже — издание нового текста, найденного исследователем.¹⁹ Ценным вкладом в дело изучения переводной повести являются указатели, составленные В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской²⁰ и А. А. Назаревским.²¹ Здесь указаны переводные повести, вошедшие в нашу литературу в XVII в., сделана опись имеющихся списков каждой из них в книгохранилищах нашей страны, перечислены издания произведения, если они имеются, приведена библиография, знакомящая читателя с тем, что сделано по изучению данного произведения как в России, так и на Западе.

Общие сведения о переводной литературе вообще и XVII в. в частности читатель может найти в работах А. И. Соболевского,²² А. Н. Пыпина,²³ А. Н. Веселовского.²⁴ В советское время обзоры переводной литературы даны в учебниках по древнерусской литературе, в работе

¹⁴ См.: Русские драматические произведения 1672—1725 гг., изданные Н. Тихонравовым, т. 1—2. СПб., 1874.

¹⁵ См., например: П. О. Морозов. История русского театра до половины XVIII столетия. СПб., 1889; сборник «Старинный спектакль в России» под редакцией В. Н. Веселовского—Гернгросс. Л., 1928 (на стр. 184—197 дана библиография русской школьной драмы и театра XVII—XVIII вв., составленная В. П. Адриановой-Перетц).

¹⁶ См.: Артаксерксово действие. Первая пьеса русского театра XVII в. Подготовка текста, статья и комментарии И. М. Кудрявцева. Изд. АН СССР, М.—Л., 1957.

¹⁷ В. А. Колобанов, О. Ф. Коновалова и М. А. Салмина. Библиография советских работ по древнерусской литературе за 1945—1955 гг. М.—Л., 1956; Н. Ф. Дробленкова. 1) Библиография советских работ по литературе XI—XVII вв. за 1917—1957 гг. М.—Л., 1961; 2) Библиография работ по древнерусской литературе, вышедших в СССР, за 1958—1959 гг.—ТОДРЛ, т. XVIII. М.—Л., 1962, стр. 499—551.

¹⁸ См.: О. М. Маслова. Повісті про кесаря Оттона і графиню Альтдорфську в українській літературі.—Радянське літературознавство, 1948, № 9.

¹⁹ См.: Н. К. Гудзий. Новые редакции Повести о папе Григории (Исследование и публикация текстов).—ТОДРЛ, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 176—191.

²⁰ В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. Древнерусская повесть. Изд. АН СССР, М.—Л., 1940.

²¹ А. А. Назаревский. Библиография древнерусской повести. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955.

²² А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв.

²³ А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских.

²⁴ См. главу о повестях в «Истории русской словесности древней и новой А. Галахова» (т. 1. Изд. 2-е. СПб., 1880, стр. 394—417).

А. С. Орлова,²⁵ в соответствующих томах «Истории русской литературы».²⁶ Как справедливо указал в заглавии своей работы А. Н. Пыпин, эти обзоры в основном раскрывают перед читателем именно литературную историю того или иного памятника: здесь более или менее точно указываются источники того или иного сюжета, выясняется путь, каким этот сюжет шел с Запада или с Востока и как он попал на Русь, уточняется, с какого языка было переведено на русский язык то или иное произведение. В книге А. С. Орлова, помимо кратких указаний вышеозначенного типа, мы читаем подробный пересказ всех наиболее интересных переводных повестей XVII в.

Несколько особое место среди упомянутых выше обзорных работ занимает исследование С. Л. Пташицкого, изучающего русские переводы западных произведений в сравнении с их переводами у других славянских народов.²⁷ Эта работа вносит важные дополнительные сведения в литературную историю западноевропейских сюжетов, но дальше литературной истории ее автор, как и авторы других обзорных работ, не идет.

Главы, посвященные переводной литературе в советской «Истории русской литературы»,²⁸ отличаются тем, что здесь авторы пытаются показать место переводной литературы в общем ходе развития литературного процесса на Руси, ее роль в жизни русского общества и ту среду, в которой переводная литература распространялась и бытовала. Но, как правило, ни здесь, ни в ранее написанных обзорных работах мы не находим подлинного историко-литературного анализа изучаемых произведений. Читатель получает лишь общее знакомство с этим богатым и многообразным материалом, а по ряду выдержек и пересказов — представление о содержании наиболее популярных произведений.

Если мы обратимся к статьям и исследованиям, посвященным отдельным произведениям, то обнаружим, что они тоже стремятся прежде всего вскрыть историю сюжета, показать, откуда и как он пришел на Русь. Затем анализируются отдельные списки произведения — их сходство и отличие; в ряде случаев работа сопровождается публикацией текста, найденного данным исследователем и показавшегося ему чем-то интересным с точки зрения литературной истории произведения, в лучшем случае в сопоставлении с одним или двумя известными ему списками, выбранными в значительной степени случайно. Так еще и сейчас издаются западными учеными произведения средневековой литературы, но в настоящее время такое издание уже не может удовлетворить читателя и исследователя.

Как пример изданий этого типа можно указать произведения, напечатанные в конце прошлого столетия Обществом любителей древней письменности: «Римские деяния»,²⁹ «История семи мудрецов»,³⁰ «Повесть о Мелюзине»³¹ и др. Эти издания, несмотря на всю научность и добросо-

²⁵ А. С. Орлов. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVII вв. Изд. АН СССР, Л., 1934.

²⁶ См.: История русской литературы, т. II, ч. 2. М.—Л., 1948; История русской литературы в трех томах, т. 1. М.—Л., 1958; см. также учебник Н. К. Гудзия «История древней русской литературы» (изд. 6-е М., 1956).

²⁷ С. Л. Пташицкий. Средневековые западноевропейские повести в русской и славянских литературах, вып. I—II. СПб., 1902.

²⁸ История русской литературы, т. II, ч. 2, стр. 374—414; История русской литературы в трех томах, т. 1, стр. 310—332.

²⁹ См.: Римские деяния, вып. 1—2. Изд. ОЛДП, СПб., 1877 и 1880.

³⁰ См.: История семи мудрецов, вып. 1—2. Изд. ОЛДП, СПб., 1878—1880.

³¹ См.: Повесть о Мелюзине. Издание Ф. Булгакова, ОЛДП, XLII, LX, СПб., 1882.

вестность, не способствуют изучению предлагаемых читателю повестей как произведений литературных. Текст напечатан здесь со всеми описками и ошибками, которые имеются в случайно избранном издателями списке, с сохранением титл и выносных букв, с соблюдением неверных написаний подлинника. Все это очень затрудняет чтение произведений, а местами и понимание смысла написанного. Такое издание может быть интересно для лингвиста, но оно не может быть использовано для знакомства даже достаточно подготовленного читателя с памятником, тем более для работы над ним. Рядовому читателю, если бы он задумал познаться с переводной литературой древней Руси, эти издания просто недоступны. То же можно сказать об издании сборника фаянцев, выполненном Ф. Булгаковым,³² где ошибки в тексте не только затрудняют чтение, но местами и искажают смысл рассказа.

Многие переводные произведения вовсе не изданы: таков очень популярный сборник «Великое Зерцало», сборники изречений и притч, например притчи Саади, в русском переводе озаглавленные «Кринный дол», и ряд других произведений, имевших хождение на Руси в XVII в.

Обратимся к исследованиям, посвященным изучению отдельных произведений переводной литературы XVII в. Просматривая указатели и справочники, мы убеждаемся, что почти каждое из них в большей или меньшей степени привлекало внимание ученых, лишь очень немногие остались вне поля зрения представителей науки, но статьи и исследования, как правило, посвящены уяснению того или иного вопроса, связанного с литературной историей данного сюжета, и дальше этого не идут.

Из восточных повестей, переведенных в XVII в., наиболее распространенной и любимой оказалась повесть о царе Агее, сохранившаяся в многочисленных списках и несколько раз изданная. Повесть упоминается в работах А. Н. Пыпина и А. Н. Веселовского. И. А. Шляпкин указывает новый список повести, обнаруженный им в Суздальской рукописи XVIII в., А. А. Назаревский вносит ее в библиографический указатель. Непосредственно повести посвящены работы М. Шугурова³³ и Янины Висковатой.³⁴ В первой, сопровождающей издание повести по рукописи XVIII в., указывается, что первоначальная редакция произведения относится к XVII в., и приводятся ее варианты в литературе и фольклоре. Во второй работе ставится вопрос о происхождении повести и рассматривается ее путь с Востока (из Индии через европейскую и византийскую литературы) на Запад. Как видим, оба автора заняты вопросами литературной истории произведения. Списки повести не изучены, не сопоставлены между собой, не подвергнуты тщательному текстологическому анализу. Как литературное художественное произведение повесть не рассматривается.³⁵

Другая популярная повесть восточного происхождения — «Сказание об Еруслане Лазаревиче», — также неоднократно издававшаяся,³⁶ всесторонне исследована в кандидатской диссертации Л. Н. Пушкарева, к сожалению, до настоящего времени не изданной. До 1917 г. ученые неодно-

³² ПДП. СПб., 1878/79, стр. 94—152.

³³ М. Шугуров. Повесть о царе Агее. — Русский архив за 1865 г. (год 3-й), стр. 14—18.

³⁴ Янина Висковатая. К вопросу о европейских сказаниях «о гордом царе» и их обработках. — Slavia, XIII, seš. 2—3. Praha, 1935.

³⁵ Работы С. Бейлина «Странствующие или всемирные повести и сказания в древнерусской письменности» (Иркутск, 1907) и Г. А. Бялого «В. М. Гаршин и литературная борьба восьмидесятих годов» (Л., 1937) исследуют другие проблемы и мало вносят в дело изучения повести об Агее.

³⁶ Н. С. Тихонов. Летописи русской литературы и древности, т. II, ч. 2. М., 1859; Памятники старинной русской литературы, изданные Г. Кушелевым-Безбодрко, вып. II. СПб., 1860, стр. 325—339.

кратно обращались в своих работах к повести о Еруслане, но лишь попутно.³⁷ А. С. Орлов в своей книге о переводных повестях уточняет литературную историю сюжета и знакомит читателя с содержанием повести.³⁸ Работа Л. Н. Пушкарева, если бы она была напечатана, явилась бы важной ступенью в деле изучения этой интересной повести.

Любопытное сказание о Льве Премудром, заимствованное из византийских хроник и переделанное русским книжником в конце XVII в., после его издателя Ю. А. Яворского,³⁹ который указал источник и дал общую характеристику памятника, вообще не привлекало внимания исследователей.

Из переводных произведений, идущих к нам с Запада, наиболее поспешивилось «Повести о Бове королевиче», «Повести о Петре Златые Ключи» и «Повести о царице Персике», которым посвящена специальная, законченная в 1962 г. монография В. Д. Кузьминой, удовлетворяющая всем требованиям современной науки, обобщающая и завершающая все то ценное, что было сделано в области изучения указанных произведений.

Новой работой в области переводной литературы являются «Фацеции».⁴⁰ Эта работа включает в себе и исследование сборника, и издание текстов, известных ранее, кроме рукописей, лишь в очень несовершенном издании Ф. Булгакова. Здесь же впервые издана повесть о купце, заложившемся о добродетели жены, вошедшая в ряд списков сборника фацеций и, несмотря на ее незаурядные литературные достоинства, никем не исследованная.⁴¹

С прочими переводными повестями дело обстоит много хуже. Такова Повесть об Александре и Лодвике, восходящая к заключительной части притчи царицы из «Повести о семи мудрецах», где читается краткая редакция произведения. Пространная редакция известна в отдельных списках, здесь к краткой редакции присоединяется история о двух друзьях.⁴² А. С. Орлов считает, что эта полная редакция восходит к подробной версии латинской заключительной повести «Истории о семи мудрецах».⁴³

Л. Н. Майков знакомит читателей с содержанием повести и устанавливает зависимость от нее «Истории о Василии Кариотском».⁴⁴ И. Н. Жданов и А. С. Орлов изучают западные и византийские параллели ко второй части повести и отражение сюжета о двух друзьях в народных сказках. Н. К. Пиксанов и А. А. Назаревский знакомят читателя с библиографией повести.⁴⁵ Как видим, литературного анализа повести, изучения

³⁷ См.: В. П. Адрианова-Перетц и В. Ф. Покровская. Древнерусская повесть, стр. 145—146.

³⁸ А. С. Орлов. Переводные повести. . . , стр. 77—85.

³⁹ Ю. А. Яворский. Византийские сказания о Льве Премудром в русских списках XVII—XVIII вв. — ИОРЯС, 1909, кн. 2, стр. 75—78.

⁴⁰ О. А. Державина. Фацеции (Переводная новелла в русской литературе XVII века). Изд. АН СССР, М., 1962.

⁴¹ Упоминание о повести и схематичное изложение ее содержания мы находим в статье П. Н. Беркова и В. И. Малышева «Новонайденное беллетристическое произведение первой половины XVIII в.» (ТОДРА, т. IX. М.—Л., 1953, стр. 410—411).

⁴² И. Н. Жданов. Повесть об Александре и Лодвике и былина «Нерассказанный сон». — ЖМНП, 1894, № VII, стр. 62—102.

⁴³ А. С. Орлов. Переводные повести. . . , стр. 123—128.

⁴⁴ Л. Н. Майков. Очерки из истории русской литературы XVII и XVIII столетия. СПб., 1889, стр. 220—223.

⁴⁵ Н. К. Пиксанов. Старорусская повесть, стр. 73; О. А. Назаревский. Знадоба до історії давньої повісті. 1. Повістевий репертуар київських рукописних збірок. — Записки іст.-філ. Відділу УАН, кн. XXV. Київ, 1929, стр. 333.

ее как литературного художественного произведения в этих работах мы не найдем, это дело будущих исследователей.

Если Повесть об Александре и Лодвике была все же издана,⁴⁶ то Повесть о княгине Альтдорфской известна у нас только в рукописях. Исследователи анализируют переводы повести, выполненные разными лицами на Руси и на Украине,⁴⁷ и приходят к выводу, что на Руси повесть переведена была тем же переводчиком, который переводил повесть об Оттоне и Олунде.⁴⁸ Перевод был сделан с польского старопечатного издания 1569 г. Исследователи отмечают связь повести с историей Оттона и Олунды, но дальше этого не идут.

О. М. Маслова⁴⁹ ограничивается в своей работе уточнением литературной истории повести на Украине, сопоставляя имеющиеся там два перевода. Между тем повесть как самостоятельное произведение представляет для исследователя несомненный интерес, так как отличается незаурядными художественными достоинствами. Так, она композиционно хорошо построена, в ней дан ряд выразительных образов (жестокой графини; ее мужа — доброго и умного человека, любителя псовой охоты; старой служанки, готовой исполнить любое приказание своей госпожи, и другие); в ней много бытовых подробностей, рисующих жизнь феодалов, ярких деталей. Кроме того, она очень выразительна по своей идейной направленности; в повести дважды жестоко наказана злая бесчеловечная графиня: наказана за то, что она оскорбила свою ни в чем не повинную служанку и посягала на детоубийство.

Издание этой повести по лучшим спискам, изучение ее литературной истории, отношение переводов к польскому оригиналу и анализ ее как литературного произведения — дело будущих исследователей.

Повесть о графине Альтдорфской обычно стоит в списках после Повести об Оттоне и Олунде. Последняя повесть, известная в двух редакциях [полной (2 варианта) и сокращенной, озаглавленной «Повесть о царице и львице»], была очень популярна и сохранилась в большом количестве списков. Русские издания относятся к 1847 и 1867 гг. и явно не удовлетворяют современным требованиям научного издания текста. Польские издания более поздние: 1904 и 1928 гг. (со старопечатного польского текста 1569 г.). Существующие работы (например, «Древнерусская повесть» В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской) занимаются установлением источника русского перевода (А. Н. Пыпин, А. Н. Веселовский, С. И. Маслов, А. С. Орлов), историей сюжета на западе и в России (Н. И. Петров и А. С. Орлов), сопоставлением полной и краткой редакций (А. Н. Веселовский); И. А. Шляпкин перечисляет русские списки повести и указывает, что она была источником для «Комедии Олундиной», которая ставилась в театре царевны Наталии Алексеевны.⁵⁰ С. А. Щеглова публикует и изучает инсценировку краткой редакции «Повести о царице и львице»,⁵¹ сопоставляя обе редакции повести. Как видим,

⁴⁶ См.: Повесть о семи мудрецах, стр. 200—201; Исторические сказки. СПб., 1793.

⁴⁷ См.: В. Н. Перетц. К истории украинской повести XVII в. — СОРЯС, т. СІ, № 2, 1926, стр. 135—136; С. И. Маслов. До питання про літературну спадщину С. В. Лукомського. — Юбілейний збірник на пошану М. С. Грушевського, ч. іст.-лит., т. ІІІ. Київ, 1928, стр. 259.

⁴⁸ А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории..., стр. 241—242.

⁴⁹ О. М. Маслова. Повісті про кесаря Оттона...

⁵⁰ И. А. Шляпкин. Царевна Наталья Алексеевна и театр ее времени. — ПДП, СХХVIII, 1898, стр. XXXV—XLIII, 21—27.

⁵¹ С. А. Щеглова. Неизвестная драма петровской эпохи о царице и львице. — Труды Комиссии по древнерусской литературе, т. I. Л., 1932, стр. 154—157.

и здесь нет работы, которая занималась бы литературно-художественной стороной повести и детально изучала ее судьбу на русской почве, в частности ее лубочные издания и фольклорные варианты, которые и в наши дни можно услышать у советских сказочников.

Очень мало изучена и любопытная «Повесть о прекрасной Мелюзине». Выше уже отмечались недостатки издания, осуществленного Ф. Булгаковым. В исследованиях (например, в «Древнерусской повести» Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской) указывается, что повесть переведена с польского языка, возможно два раза, что в ней есть сказочные мотивы; изучается история сюжета на Западе, устанавливается связь образа Мелюзины с индийской и славянской мифологией. В описании рукописей ОЛДП Х. М. Лопарев дает перечень списков повести; И. А. Шляпкин издает отрывок из комедии о Мелюзине, которая шла на театре царевны Наталии Алексеевны. Но у нас нет работы, в которой бы был проведен текстологический анализ списков повести, были сопоставлены предполагающиеся два перевода; повесть нигде не анализируется с точки зрения ее композиции, характеристики образов, ее художественных средств и языка. Все это требует пристального и детального анализа.

Композиция повести очень сложна: в ней фактически заключается несколько повестей: 1) история рыцаря — мужа Мелюзины, случайно убившего своего дядю на охоте; 2) история самой Мелюзины; 3) история ее отца и матери; 4) история двух ее сестер; 5) ряд рассказов о судьбе сыновей Мелюзины.

Все эти повести очень любопытны, они оригинально связаны между собой, включаясь одна в другую и поясняя друг друга.

В повести используется прием инверсии; благодаря этому только в конце ее, в истории одного из младших сыновей Мелюзины, читатель узнает, за что и кем Мелюзина была обращена в женщину-змею.

В повести рисуются интересные характеры (самой Мелюзины, ее мужа и сыновей, ее отца и матери), даны картины средневекового быта, отражены некоторые события из истории западноевропейских государств; в то же время повесть носит ярко выраженный сказочный характер. Как видим, все это делает данное произведение очень интересным, но все это до настоящего времени осталось вне поля зрения исследователей. Кроме того, необходимо поставить вопрос: почему эта занимательная сказочная повесть была так мало популярна на Руси? До нас дошло очень мало списков повести, хотя она и попала в лубочную литературу. На этот вопрос можно дать ответ только после детального изучения повести, ее композиции, образов, наконец, ее идейного звучания.

В таком же положении, как «Повесть о Мелюзине», оказываются и другие переводные повести. Просматривая работы, посвященные повестям «Об Аполлонии Тирском», «О Брунцвике», «О Валтасаре», «О Василии Златовласом», мы убеждаемся, что имеющиеся издания, как правило, относятся еще к прошлому веку, рукописные тексты не описаны и не сопоставлены между собой, исследователи занимаются установлением источника перевода, сопоставлением повести с ее восточными и западными параллелями, выявлением в ней сказочных мотивов, реже — отражениями данного сюжета в сказках.⁵²

Единственную попытку проанализировать образ героя мы находим в предисловии М. Петровского к изданию «Повести о короле Брунцвике»,⁵³

⁵² См.: М. В. Николаева. История о Ярополе царевиче и сказочно-былинная традиция. — ТОДРА, т. VII. М.—Л., 1949, стр. 52—66.

⁵³ М. Петровский. История о славном короле Брунцвике. — ПДПИ, LXXV, 1888, стр. 31—57.

но в основном и эта статья посвящена изложению содержания и знакомству с литературной историей — именно в Чехии — данного произведения.

Из упомянутых повестей особенно интересна «Повесть об Аполлонии Тирском», восходящая к греческой поэме II в. Несмотря на обширную литературу, далеко не все вопросы, связанные с произведением, разрешены. Исследователи не пришли к одному мнению относительно двух переводов повести, в своих работах они совершенно не касаются вопроса о жизни произведения на русской почве, не анализируют его с литературно-художественной стороны. Нет и текстологического анализа имеющихся списков.

Среди переводных сюжетов очень любопытны легенды о кровосмесителе. Сюда входят апокрифические сказания об Иуде предателе, легенды об Андрее Критском и «Повесть о папе Григории». Лучше других изучена последняя повесть. Ею занимались В. Н. Перетц, Н. И. Костомаров, Н. К. Гудзий и ряд других ученых. Н. К. Гудзию удалось разыскать и опубликовать ряд вариантов повести, в частности одну очень интересную ее обработку в стиле Петровской эпохи.⁵⁴ Тем не менее повесть нуждается в специальном исследовании, построенном на детальном текстологическом изучении всех имеющихся списков в сопоставлении с выше упомянутыми легендами. Требуют дополнительного изучения и история бытования повести на русской почве и у других народов, и художественная сторона произведения в его различных вариантах. Следует признать, что недостаточно изучены и сборники — «Римские деяния», «Повесть о семи мудрецах», «Великое Зерцало».

В каждом из них заключается ряд новелл, из которых любая требует и ждет самостоятельного детального исследования. Просматривая литературу о «Римских деяниях» и «Повести о семи мудрецах», мы обнаруживаем, что исследователи занимаются установлением содержания сборников в разных списках и литературной историей сборника в целом. А. Н. Пыпин кратко указывает источники отдельных сюжетов, но анализом их содержания не занимается. Подробно рассмотрена в научной литературе литературная история лишь некоторых вошедших в эти сборники повестей, главным образом тех, которые встречаются и отдельно, вне сборников, как например «Повесть об Аполлонии Тирском» или «Повесть о папе Григории». Содержание «Повести о семи мудрецах» сводится к теме о «злых женах», однако этой теме посвящены лишь те новеллы, которые рассказываются мудрецами и царевичем. Новеллы царицы посвящены другим темам, однако это не привлекало внимания ученых.

О целом ряде рассказов, вошедших в «Римские деяния», вообще нигде не сказано ни слова, рассматриваются обычно наиболее известные повести, но опять-таки с точки зрения их литературной истории, а не со стороны их литературной ценности и художественных достоинств.

Одной из последних работ, где ее автор обращается к переводной повести, в частности к сборнику «Римские деяния», является статья Е. Прохазковой;⁵⁵ чешская исследовательница касается «Повести о Василии Златовласом», «Повести о Брунцвике» и более подробно говорит о сборнике «Римские деяния». Автор ставит себе задачу показать на этих произведениях чешско-русские связи в XVII в.; вся работа построена на сопоставлении русских, чешских и польских текстов, выбранных в зна-

⁵⁴ Н. К. Гудзий. 1) К истории легенды о папе Григории. — ИОРЯС, 1914, кн. 4, стр. 217—256; 2) Новые редакции Повести о папе Григории, стр. 177—191.

⁵⁵ Helena Procházková. Po stopách dávného přátelství Kapitoly z česko-ruských literárních styků do konce XVII. století. Praha, 1959, стр. 98—131.

чительной степени случайно; с помощью этого сопоставления Е. Прохазкова стремится (но не всегда убедительно) доказать, что русский текст восходит непосредственно к польскому, который в свою очередь передает чешский текст. Как справедливо замечает А. Флоровский,⁵⁶ наблюдения Е. Прохазковой «имеют характер известной отрывочности и ограниченности», мало нового вносят в дело изучения упомянутых произведений.

Что касается «Великого Зеркала», то этот сборник почти совсем выпал из поля зрения исследователей, так как казался им, видимо, слишком специфическим и узким по содержанию. В справочник, составленный В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской, он не вошел, количество его списков неизвестно, а наличие этих списков и их особенности по отдельным собраниям даже приблизительно не установлены. А между тем сборник был очень популярен на Руси как в XVII, так и в XVIII в., многократно переписывался и целиком и частями. Материал, вошедший в сборник и кажущийся на первый взгляд однотипным (религиозно-поучительным), на самом деле исключительно разнообразен и дает в целом широкую картину человеческой жизни, своеобразно отражая классовые противоречия эпохи феодализма и первоначального накопления: власть имущие и подвластные, богачи и бедняки показаны здесь в их отношениях, с их личными качествами, хорошими или плохими. Чтобы раскрыть богатство содержания и разнообразие образов новелл, вошедших в «Великое Зерцало», исследователю необходимо вскрыть их реальное значение, сняв налет мистицизма, который так долго отпугивал ученых от этого интересного сборника.

Если другие сборники переводной новеллы не раз привлекали внимание исследователей, то о «Великом Зерцале» у нас имеется только одна работа — исследование П. В. Владимирова,⁵⁷ в значительной степени уже устаревшее, далеко не соответствующее требованиям современной науки и не разрешающее возникающих в связи с памятником проблем.

Еще менее, чем сборники повестей и рассказов, изучены собрания изречений, притч, забавных вопросов и ответов, пользовавшихся популярностью на Руси в XVII в. Таковы «Апофегмата», притчи Саади (Персицкой Кринной дол), «Премудрость Лохмана» и «Повесть о португальском и бранденбургском мудрецах».⁵⁸ Издания «Апофегмат» относятся к XVIII в., «Персицкой Кринной дол» не издавался ни разу, «Повесть о португальском посольстве» известна в издании В. В. Сиповского.⁵⁹ Специальных исследований этого рода переводной литературы нет, в общих обзорах находим лишь указания на время перевода, его источник и краткое сообщение, что представляет собой данный памятник. В то же время исследование этих сборников и сопоставление их с подобными сборниками в зарубежных, в частности славянских, странах, а также с книгами подобного рода, ранее бытовавшими на Руси (например, «Пчела»), и изучение их судьбы на русской почве, думается, будет представлять

⁵⁶ А. Флоровский. Рецензия на работу Е. Прохазковой. — *Slavia*, сеѣ. 3, 1960, стр. 489—495.

⁵⁷ П. В. Владимиров. Великое Зерцало (Из истории русской переводной литературы XVII в.). М., 1884.

⁵⁸ «Повесть бывшего посольства в Португальской земле, история о португальском и бранденбургском мудрецах» — русская переработка чужого оригинала, примыкает к средневековым сочинениям загадками и остротами. Басням Эзопа посвящена статья В. П. Адриановой-Перетц «Басни Эзопа в русской юмористической литературе XVIII в.» (ИпоРЯС, т. II, кн. 2. Л., 1929, стр. 377—400).

⁵⁹ В. В. Сиповский. Русские повести XVII—XVIII вв., стр. 268—284.

немалый интерес и позволит исследователю сделать много ценных наблюдений и выводов.

Мы уже говорили о необходимости дальнейшего изучения драматических произведений, переведенных в XVII в. для русского театра. Большая часть имеющихся работ в этой области касается школьного театра,⁶⁰ статьи, включенные в сборники,⁶¹ посвящены в большинстве вопросам, связанным с постановкой, с оформлением сцены, с актерами и зрителями театра XVII—XVIII вв. Лишь некоторые статьи посвящены отдельным пьесам. Думается, что каждая из поименованных Н. С. Тихонравовым 20 пьес театра XVII в.,⁶² независимо от того, оригинальная она или переводная, нуждается в издании и исследовании, подобном тому, как было издано И. М. Кудрявцевым «Артаксерксово действо». Только тогда у нас будет полное представление о переводной драматургии XVII в. Наконец, есть отдельные работы, изучающие ту или иную пьесу, в основу которой положена занимательная переводная повесть, но нет исследования, в котором бы ставилась проблема взаимоотношения переводной повествовательной литературы и драматургии XVII—начала XVIII в. в ее полном объеме.

Из всего сказанного, нам кажется, с достаточной ясностью вытекают задачи, стоящие перед исследователями переводной литературы XVII в. В упоминавшейся статье В. Д. Кузьмина правильно намечает общий ход работы над переводным памятником, но ее положения в каждом конкретном случае требуют дополнения и уточнения. Так, думается, что, изучая причины расцвета переводческой работы в XVII в., нельзя говорить обо всем веке в целом. Русь начала XVII в. и Русь конца того же века — далеко не одно и то же, с этим необходимо считаться. Не случайно большая часть повествовательной литературы, как и пьесы для театра, была переведена у нас в конце, вернее, в последней четверти XVII в.

Поэтому, как нам кажется, литературоведам необходимо внимательнее всматриваться в историческую и политическую обстановку первой и второй половины века, достаточно хорошо обрисованную в трудах историков, более вдумчиво подходить к конкретным фактам, обусловившим интерес русского читателя к переводной литературе вообще и к отдельным сюжетам в частности, изучать среду, где они бытовали, привлекая для этого и читательские записки в рукописях, и соответствующие документы изучаемой эпохи.

Говоря о соприкосновении русских людей с восточными и западными соседями в XVII в., любопытно проследить, кто же именно из русских людей оказывался при этом передатчиком того или иного произведения чужой литературы на русскую почву и что именно в этой литературе привлекло его внимание и заинтересовало.

В. Д. Кузьмина права, что мы очень мало знаем о переводческой деятельности как переводчиков Посольского приказа и других официальных организаций, так и частных лиц. Необходимо детально изучить материалы Типографской библиотеки, архивы Посольского приказа, Киево-Могилянской и Славяно-греко-латинской академий и других соответствующих учреждений. Такое изучение может дать много нового

⁶⁰ См.: В. П. Адрианова-Перетц. Библиография русской школьной драмы и театра XVII—XVIII вв. — В кн.: Старинный спектакль в России. Л., 1928.

⁶¹ См.: Старинный театр в России XVII—XVIII вв. Пгр., 1933; Старинный спектакль в России.

⁶² Русские драматические произведения 1672—1725 гг., стр. XLIII—XLIV.

и интересного материала и пролить свет на постановку переводческого дела в изучаемую эпоху. Только благодаря разысканиям И. М. Кудрявцева в архиве Посольского приказа удалось установить, что первый перевод «Великого Зеркала» был выполнен именно здесь.

Но, помимо этого, необходимо вообще попробовать представить себе лицо переводчика XVII в. Мы знаем, что не все они были профессионалами. Они не имели порой прямого отношения и интереса к литературе. Были и любители, переводившие, как указывалось выше, за свой страх и риск. К таким любителям относятся выдающиеся писатели и общественные деятели XVII в. Епифаний Славинецкий и Симеон Полоцкий. У первого поражает разнообразие переводов, широта кругозора, обличающего в нем человека, стоящего на уровне европейского просвещения. Второй обнаруживает интерес именно к повествовательной переводной литературе, сюжеты которой неоднократно использует в своих виршах. Характеристика того и другого писателей как переводчиков — одна из очередных задач изучения переводной литературы XVII в.

Но имена большинства переводчиков-любителей до нас не дошли. Однако, сопоставляя переводы отдельных произведений, выполненные в разное время и разными людьми, можно, думается, воссоздать образы их исполнителей, выяснить их подготовленность, интересы и отношение к своему труду.

Как пример можно привести два перевода новелл «Великого Зеркала»: первый, принадлежащий переводчикам Посольского приказа, сделанный по заданию свыше, и второй, предпринятый, по-видимому, по личному почину. Если в первом случае переводчики стремятся по возможности точно придерживаться польского оригинала, то во втором случае и отбор новелл, и подход к материалу иные. Он дает возможность нарисовать образ переводчика. Это несомненно лицо духовное, воспитанное в духе православного благочестия. Он сознательно отбирает именно те новеллы, которые находит наиболее ценными, и располагает их в новом порядке. В основе расположения рассказов лежит не внешний признак — по алфавиту, как это дано в польском тексте, а внутренний — по значению содержания. Этим объясняется переработка заглавий: мы находим здесь не краткую передачу содержания, как в польском тексте, а идейный смысл рассказа. Текст здесь излагается свободнее, в него вносятся не только отдельные слова, но и целые эпизоды, живые и выразительные подробности, обнаруживающие любовь переводчика к жизненной детали, желание обрисовать душевное состояние героя, попытку сблизить рассказ с русской действительностью.

Такие или подобные наблюдения можно, думается, сделать, изучая и сопоставляя переводы других произведений переводной литературы, из которых многие дошли до нас не в одном, а в нескольких переводах. Очень интересно в этом плане изучить новые, сделанные в XVII в. переводы произведений, давно известных русскому читателю, например новый перевод «Иудейской войны» Иосифа Флавия, сопоставив его с прежним переводом, выполненным на заре русской культуры. При этом особенно ясны будут сдвиги, которые произошли в сознании русского общества в целом и русского книжника в частности в XVII в.

Необходимо также собрать сведения о переводчиках, имена которых известны и указаны в списках рукописей. Все, что в этом направлении удастся найти, значительно уяснит вопрос о ходе переводческой работы в XVII в.

Выше мы указывали, что большая часть существующих в научной литературе работ, посвященных переводной литературе, изучает преимуще-

шественно литературную историю того или иного сюжета или группы сюжетов. Исключительной важности этой стороны изучения переводного литературного памятника отрицать нельзя. Это подчеркивает в своей статье и В. Д. Кузьмина,⁶³ раскрывая значение сравнительного изучения оригинала, польской его обработки, русского перевода и его последующей литературной истории на русской почве, которая должна быть восстановлена после тщательного текстологического анализа по мере возможности всех сохранившихся списков.

Эта чрезвычайно важная работа для многих произведений переводной литературы XVII в. частично выполнена или во всяком случае начата: в исследованиях, посвященных изучению этой литературы, мы находим более или менее точные указания, откуда пришел к нам тот или иной сюжет и с какого языка он был переведен на русский язык. Эти сведения мы можем найти почти о каждом произведении переводной литературы XVII в., хотя и не везде они отличаются полной определенностью; есть еще и сейчас ряд спорных вопросов, требующих проверки и дальнейшего исследования. Значительно хуже обстоит дело с изучением литературной истории того или иного произведения на русской почве: наличные списки не выявлены полностью, не сопоставлены между собой. Не уточнено, сколько было переводов, какого они времени, кем и когда выполнены, а если и указывается, что было, скажем, два перевода, они не подвергнуты сравнительному изучению. В то же время для литературной истории произведения очень важно уяснить, что именно вызвало появление нового перевода и какие отличия в нем наблюдаются по сравнению с первым, сделаны они с одного и того же или с разных текстов (например, с польского и немецкого или с разных изданий произведения, вышедших в Польше в разное время), появились они в одной и той же или в различной социальной среде.

Известно, что некоторые произведения переводной литературы встречаются в различных сборниках. Отдельные новеллы вошли и в «Великое Зерцало», и в сборник фавстий или в «Великое Зерцало» и в «Римские деяния».

Для литературной истории такого сюжета очень важно проследить, как он излагается в том или ином сборнике, приспособляясь к его содержанию и направлению. Мы можем наблюдать при этом разные редакции одной и той же повести. Приведем как пример рассказ о том, как царь купил мудрость у философа, попавший и в «Римские деяния», и в «Великое Зерцало».

В «Римских деяниях» произведение дано полностью. Царь покупает у философа три совета: первый — «делая что-либо, думай о последствиях»; второй — «не сворачивай на тропинку, когда идешь широким путем»; третий — «никогда не ночуй в доме, где хозяин стар, а жена молода»; и все они оправдывают себя: следуя им, царь трижды спасает свою жизнь. В «Великом Зерцале» рассказ дан в сокращенной редакции, здесь оставлен лишь первый совет, и мы узнаем лишь то, как этот совет спас жизнь царя от покушения на него его брادرбрея, подкупленного вельможами. Конец эпизода различен в том и другом сборниках: в «Римских деяниях» царь прощает брادرбрея, в «Великом Зерцале» он приказывает его казнить. Эта разница объясняется разными задачами, стоявшими перед составителями сборников. В «Великом Зерцале» рассказ включен в раздел «Мудрость» и должен показать значение мудрости в жизни чело-

⁶³ В. Д. Кузьмина. Проблемы изучения. . . , стр. 14 и 17.

века. Для этой цели не нужно было многих примеров: достаточно было царю послушаться о д н о г о мудрого совета, и он спас ему жизнь.

В «Римских деяниях», тоже сборнике нравоучительном, большее значение имеет самая занимательность рассказа, в ряде случаев использующего сказочные приемы и подробности. Таков в данном рассказе композиционный прием троекратного повторения, усложняющего развитие действия.

В «Великом Зерцале» царь казнит брადобреля потому, что он, хотя и не по своей инициативе, покушается на его жизнь. Зло таким образом наказано. В «Римских деяниях» ярче показана и выдвинута на первый план роль вельмож, рядом с их виной вина брადобреля бледнеет, и царь прощает его.

Любопытен и другой пример бытования переводной новеллы в разных сборниках: рассказ о добродетельной жене плотника, посрамившей старуху-сводню, мы читаем в первом переводе «Великого Зерцала», во втором его переводе и в сборнике фавеций. Если в первом переводе рассказ дан точно по польскому тексту «Великого Зерцала», то во втором переводе он сближается с той редакцией, которую мы читаем в сборнике фавеций. Любопытные различия находим и в рассказе о грустном царе, подвергшем брата суровому испытанию. Сюжет вошел и в «Великое Зерцало», и в «Римские деяния»; в последнем сборнике начало рассказа иное, чем в «Великом Зерцале», более развернутое и интересное.

Эти примеры с очевидностью доказывают, что изучать литературную историю произведений, вошедших в разные сборники переводной литературы, можно только сопоставляя все эти сборники.⁶⁴ Изучая далее рукописные фонды наших библиотек, можно выяснить, какая из имеющихся редакций той или иной повести была наиболее популярна, какая чаще переписывалась и, следовательно, более нравилась читателям.

Тщательное и неотложное изучение рукописных фондов необходимо еще и потому, что, как уже указывалось, подлинно научный текстологический анализ должен охватывать по возможности все имеющиеся списки произведения. В то же время справочники, изданные до настоящего времени в нашей научной литературе, уже не соответствуют современному наличию списков, имеющихся в наших книгохранилищах: за истекшее время библиотеки приобрели много новых рукописей, среди которых немало сборников, заключающих в себе и новые списки переводных произведений. Не всегда выявлено и содержание ранее приобретенных сборников, хранящихся в рукописных отделах библиотек. В этой большой и трудоемкой работе, кроме сотрудников библиотек, должны принять участие и ученые-исследователи, изучающие то или иное произведение или сборник.⁶⁵ Изучение списков даст возможность еще раз проверить наличие редакций названных выше повестей и сборников, поможет уточнить литературную историю каждого из них на Руси. Наличные списки покажут, насколько было распространено у нас то или иное произведение, а читательские записи позволят яснее представить, в какой среде оно бытовало и читалось. Кроме того, при детальном изучении рукописных сборников, возможно, будут обнаружены не только новые редакции уже известных произведений, но и произведения, до настоящего времени не известные.

Анализ списков должен проходить в связи с изучением оригинала переводного произведения, в частности печатных его изданий, появившихся в Польше в XVI и XVII вв., потому что основная масса переводной литера-

⁶⁴ Д. С. Лихачев. Текстология. М.—Л., 1962, гл. VI.

⁶⁵ Там же, гл. V.

туры шла к нам через Польшу. Исследователью переводной литературы XVII в. необходимо поэтому хорошо познакомиться с польской литературой XVI в., так как произведения, переведившиеся у нас в XVII в. с польского языка, в Польше были известны уже в XVI в.

Только сопоставление с польским текстом даст возможность установить, с какого именно польского издания был сделан перевод и когда приблизительно он мог появиться, какие изменения внес в текст переводчик, насколько близко придерживался он оригинала. Сопоставление должно быть не только текстуальным (это делалось исследователями в ряде случаев и прежде), необходимо учитывать, какие изменения внесены переводчиком в композицию произведения, в трактовку образов, в изобразительные средства языка. Такое сопоставление даст возможность ярче показать и глубже уяснить разницу между одновременными переводами, а также между отдельными редакциями произведения.

Для полноты литературной истории произведения очень важно сопоставить русские тексты не только с непосредственным источником перевода, скажем с польским текстом, но и с более ранним этапом жизни произведения, с тем текстом, с которого был сделан польский перевод. Так делает П. В. Владимиров при изучении «Великого Зеркала»: он привлекает латинский текст, сопоставляет его с польским, а затем с русским. Изучая *фацеции*, приходится обращаться к немецким сборникам подобного рода рассказов, так как они именно оттуда попали в польский сборник, а в ряде случаев и к итальянской новелле эпохи Возрождения, в частности к «Декамерону» Боккаччо.

Подробное ознакомление с имеющимися списками должно завершиться изданием изучаемого произведения и описанием всех имеющихся его списков. Это описание может быть издано самостоятельно или как приложение к монографии, посвященной данному памятнику переводной литературы.

Изучая сборники, необходимо установить источники и привести параллели к каждому из рассказов, в него вошедших, точно установить, что взято из польского оригинала и что внесено русским переводчиком или переписчиком, создающим новую редакцию сборника, и откуда им это взято. В этом плане большая работа ждет исследователей «Римских деяний», «Повести о семи мудрецах» и других сборников, где мы находим самые разнообразные по содержанию и источникам сюжеты.

Очень поучительно сопоставить русский перевод того или иного произведения с переводом, если такой имеется, украинским, белорусским, чешским, сербским или болгарским. Это даст возможность глубже познать взаимосвязи между славянскими литературами, выявить характерные особенности литературного процесса в каждой из славянских стран. Очень характерно, например, что многие произведения западной литературы, переведенные на польский язык, а с него на русский, на украинском языке неизвестны. Так было со сборником *фацеций*, с некоторыми повестями. Это объясняется тем, что здесь эти произведения ходили по рукам в польских изданиях, так как польский язык был достаточно хорошо знаком украинским читателям XVII в. Он был в это время не только языком литературы, но благодаря историческим условиям жизни Украины XVII в. и разговорным языком, поэтому книжки, печатавшиеся в Польше, не нуждались в переводе. В Львовской библиотеке АН УССР имеется польское издание *фацеций*, но украинского перевода сборника ни здесь, ни в Киеве обнаружить не удалось. Надо думать, что его и не было.

Все, что говорилось выше, относится к изучению литературной истории произведения. Но это только одна сторона дела. Установив литературный текст и проследив его историю, необходимо перейти к другой, не менее

важной работе: к анализу произведения с точки зрения его художественных достоинств.

Для такого подлинно литературного анализа как оригинальной, так и переводной повести Н. К. Пиксанов предлагает остановиться на одном из ее текстов, как основном, «мотивировав перед самим собой такое предпочтение».⁶⁶ Отобрав текст, следует его детально проанализировать с точки зрения идейного содержания, композиции, образов, характера изложения, языка и стиля, после чего определить литературный тип или жанр произведения.

Н. К. Пиксанов в своей работе детально указывает, на что следует обратить внимание при анализе композиции, образов, языка и прочих компонентов произведения, и подчеркивает, что только в результате такого анализа возможно будет определить, что в данном произведении восходит к старой литературной традиции и что в нем является новым и оригинальным. В работе над переводным произведением это поможет выяснить, чем обогатило русскую литературу каждое из них, как оно соотносилось с общими проблемами, наметившимися в русской литературе данной эпохи, какое место заняло в общем ходе развития русского литературного процесса.

Те же требования необходимо иметь в виду и при анализе драматических произведений, учитывая специфику жанра и особенности, которые вызываются тем, что произведение пишется для сцены.

Пожелания, выдвинутые еще в 1923 г. Н. К. Пиксановым, к сожалению, далеко не всегда учитываются в современных исследованиях и не являются обязательными и руководящими для их авторов. Многие недостатки, в которых обвиняет Н. К. Пиксанов литературную науку, в частности в деле изучения древнерусской повести, не изжиты и до сего дня, поэтому его указания еще не потеряли своей злободневности и ценности. И теперь мы можем встретить работы, в которых или совсем отсутствует подлинный литературный анализ произведения, или он дается лишь вскользь, попутно, теряясь в общем ходе изложения или являясь более или менее случайным придатком к работе.

Из указанных Н. К. Пиксановым разделов анализа произведения лучше обстоит дело с выявлением его идейной направленности, его идеологического звучания. Что же касается анализа образов, композиции, художественных средств языка, то все это или вовсе забыто, или едва намечено, и автор исследования обнаруживает иной раз в данном случае полную свою беспомощность.

В то же время такой анализ необходим не только потому, что это дает возможность уяснить, насколько сильное впечатление могло производить на читателя данное произведение. Изучая именно эту художественную его сторону, мы можем вынести правильное суждение о степени развития общества в данную эпоху, о психологии людей — писателей и читателей, о их культурном уровне. Исторические сообщения, даже самые подробные, недостаточны для того, чтобы мы могли ясно представить себе эту очень важную сторону развития общественного сознания. Кроме того, идейное содержание произведения при таком анализе будет восприниматься по-иному, значительно глубже, предстанет перед исследователем во всем своем подлинном звучании.

Это положение настолько очевидно, что вряд ли требуется приводить доказывающие его примеры. Позволим себе только подчеркнуть, что все это равно касается и является справедливым как для оригинального,

⁶⁶ Н. К. Пиксанов. Старорусская повесть, стр. 5—9.

так и для переводного произведения, с той только разницей, что художественный анализ переводного произведения значительно сложнее. Исследователю все время придется оглядываться на текст, с которого был сделан перевод, и учитывать, что переводчиком было просто перенесено из оригинала и что он изменил и внес от себя. Это относится к идейному содержанию произведения, к его композиции и к художественным средствам языка. В целом ряде случаев можно будет наблюдать, как под пером русского переводчика или переписчика изменяется идейное звучание произведения или даже целого сборника. Так, в русский сборник фавстий после ряда повестей о женских хитростях вносятся рассказы о добродетельных женщинах — «во отнесение укоризны и в покрасу женам», которых нет в польском оригинале; так, в сборнике «Великое Зерцало» убирается все, что имеет отношение к католичеству, и сборнику в целом придается «православный» характер.

В том же «Зерцале» мы наблюдаем, как из рассказов, посвященных Богородице, снимаются подробности, которые, по мнению переводчиков, могут унижить «небесную царицу», добавляются характеризующие ее эпитеты, в рассказ вносятся подробности, которых нет в польском оригинале.

В ряде случаев мы можем наблюдать, как в переводную повесть с каждой новой редакцией входит все более и более черт русской жизни, быта русского общества (см. подробности в романе о Бове; элементы жизни Петровской эпохи в редакции «Повести о папе Григории», опубликованной Н. К. Гудзием, о которой упоминалось выше; черты русского быта в «Повести о Петре Златые ключи», где неаполитанская королева Магилена в одном из вариантов повести носит русскую «телогрею» и т. п.).

Таким образом, изучая художественную сторону переводного произведения и начав с первого перевода, мы не можем остановиться на этом, нам придется проследить жизнь произведения на русской почве, сопоставить переводы, если их несколько, уяснить, какие изменения вносятся с каждой новой редакцией в художественную структуру произведения. Так художественный анализ смыкается с литературной историей произведения, с текстологическим анализом его списков.

В то же время очень важно вскрыть первоначальное идейное звучание переводного произведения. В этом плане оно могло многому научить русского читателя, показывая ему иной мир, с иными классовыми и семейными отношениями, прививая более передовые, более свободные взгляды на жизнь.

Изучая художественные средства языка переводного произведения, исследователь-литературовед неизбежно столкнется с чисто лингвистическими проблемами и прежде всего с вопросом о языке перевода, плохом или хорошем. Ему непременно придется касаться и лексики, и морфологии, и синтаксиса, так как будет необходимо выяснить, насколько точно сделан перевод, соответствует ли он по словарю и по построению фразы подлиннику, насколько удалось переводчику избежать «полонизмов» или наоборот: они то и дело встречаются в его переводе. Здесь, изучая разные редакции и переводы, приходится наблюдать и отмечать, как постепенно исчезают в переводе иностранные слова и обороты и заменяются русскими словами и понятиями; например, капеллан превращается в протопопа, балвер — в лекаря и т. п.

Кроме указанных задач, необходимо дальнейшее изучение использования сюжетов переводных произведений в русском и славянском фольклоре и в лубочной литературе. Известны русские и украинские

сказки о гордом царе или богаче, построенные на мотивах сказания о царе Агее, сказки, повторяющие трогательный сюжет «Повести об Оттоне и Олунде», приключения Еруслана Лазаревича и Бовы королевича, разрабатывающие историю о купце, заложившемся за честь жены, использующие фацеции об упрямой жене, о том, как баба перехитрила дьявола. В сказке мы встретим рассказ о двух друзьях и ряд других мотивов, заимствованных из переводных сборников и отдельных повестей.

В лубок попали тот же Еруслан Лазаревич и Бова королевич, «Повесть об Оттоне и Олунде», «Повесть о Мелюзине», ряд новелл из «Великого Зерцала» и многое другое.

Весь этот богатый материал изучен лишь частично и еще ожидает своего полного и всестороннего исследования. Выяснение наличия сказок, песен, былин, духовных стихов, в которых слышны отголоски переводных сюжетов, даст возможность полнее представить литературную историю этих сюжетов у восточных, западных и южных славян, уточнить, какие из этих сюжетов пользовались наибольшей популярностью и наиболее нравились народу.

Ряд сказочных мотивов легко обнаружить даже в таком специфическом сборнике, как «Великое Зерцало». В качестве примера можно привести эпизод из рассказа о том, как дьявол в образе слуги служил некоему воину и исцелил его жену от болезни с помощью молока львицы, которое он добыл чудесным способом, — мотив, часто встречающийся в народных сказках. Другой пример — рассказ об ожившем островките. В «Зерцале» это «душеспасительный» рассказ о том, как корабль пристал к неизвестному островку в пасхальную ночь и путешественники сошли на островок, чтобы прослушать праздничное богослужение. Во время службы остров, оказавшийся китом, начал шевелиться: «и егда прииде рещи „Отче наш“, нача пагорок рушится и ходити, — бе убо кит великий, иже стоя на едином месте многа лета и песком обложен и былием и тростием обростши. Видевше сие, человецы тии ужасошася и хотевше бежати в корабль». Священник останавливает молящихся и успокаивает их. «И егда служба совершися, людие в корабль без вреда внидоша, кит же рушися и поиде в великое море».⁶⁷

Как видим, сказочный мотив оформлен составителем сборника как религиозно-поучительная легенда. Тот же мотив используют и русские сказки, разрабатывая его по-своему. Мы находим его в известной сказке П. Ершова «Конек-Горбунок», построенной на материале народной сказки. Здесь кит осужден на неподвижность за то, что он проглотил «три десятка кораблей». Как и в легенде «Зерцала», он напоминает остров:

... лежит
Чудо-юдо рыба-кит,
Все бока его изрыты,

Частоколы в ребра вбиты,
На хвосте сыр-бор шумит,
На спине село стоит...⁶⁸

Узнав, в чем его вина, кит отпускает корабли и приобретает свободу:

Чудо кит зашевелился,
Словно холм поворотился,
Начал море волновать...

⁶⁷ «Великое Зерцало» по списку ГБЛ, собр. Муз., № 5470.

⁶⁸ П. Ершов. Конек-Горбунок. Библиотека поэта. Малая серия. 2-е изд. Л., 1961, стр. 116 и сл.

Перед этим, как и в легенде, испуганные люди оставляют живой островок:

... православны христиане
Закричали: «Быть бедам!»
И пустились по домам.
Все телеги собирали,

В них не мешкая поклади
Все, что было живота,
И оставили кита.

Использование сюжетов переводной новеллы в сказках славянских народов можно показать и на других примерах: так, в одной из белорусских сказок мы читаем, как ловкий мошенник, взяв с собой мальчика, притворяется на дороге мертвым в надежде, что прохожие сжалятся над его осиротевшим «сыном» и будут подавать ему щедрую милостыню. Проезжий пан хочет проверить, действительно ли лежащий на земле человек, околом которого плачет мальчик, умер. Он приказывает слугам пороть мошенника, но тому удается вытерпеть удары и не выдать себя.⁶⁹

Сказка восходит к одной из новелл «Великого Зерцала», где два мошенника подобным же образом хотят провести проезжающего по дороге епископа. Один из них притворяется мертвым, другой плачет над ним. Епископ — человек «святой жизни» — догадывается об обмане и наказывает притворщика: после проезда епископа друг находит его действительно умершим.⁷⁰

Болгарская сказка «Мудрые слова» построена на том же мотиве, что и легенда «Зерцала» о царе, купившем мудрость у философа; выше указывалось, что она вошла и в сборник «Римские деяния». «Купленные» крестьянином-батраком «мудрые слова» (советы) трижды помогают ему: спасают его от смерти, от необдуманного поступка и приносят ему богатство.⁷¹

Если использование переводных мотивов и сюжетов в фольклоре все же отмечалось исследователями, жизнь этих сюжетов в лубочной литературе почти совершенно не изучена, а в то же время чаще всего именно лубочная литература дает представление о том, насколько широко бы популярен тот или иной сюжет.

В. Д. Кузьмина положила начало такому изучению лубочной литературы в своей монографии о рыцарском романе на Руси. Ею рассмотрены, описаны и сопоставлены лубочные издания «Повести о Бове» и «Повести о Петре Златые ключи». Исследуя этот материал, В. Д. Кузьмина делает ряд очень интересных наблюдений и выводов.

Такому же исследованию должны быть подвергнуты и другие произведения лубочной литературы, построенные на сюжетах переводного романа и повести. Для этой работы необходимо прежде всего привести в известность, какие лубочные издания хранятся в наших библиотеках, сделать их доступными для исследователя. Известно, например, что богатейшее собрание лубочной литературы, принадлежавшее Демьяну Бедному, проданное им в Государственный литературный музей в Москве, описано и разобрано, но хранится в связках и ящиках, так что найти здесь нужное произведение почти невозможно.

Особое место в лубочной литературе представляют собой картинки, собранные и описанные Д. Ровинским. Изучение их с точки зрения отражения в них переводных сюжетов представляет двойной интерес. Прежде всего мы сталкиваемся здесь с новой редакцией того или иного рассказа, обычно сокращенной по сравнению с основным текстом, иногда

⁶⁹ Белорусские народные сказки. М., 1958.

⁷⁰ «Великое Зерцало» по списку ГБЛ, собр. Муз., № 5470, рассказ 64.

⁷¹ Болгарские народные сказки. М., 1951, стр. 96—99.

изложенной стихами. Это уже представляет собой немалый литературный интерес. Но, помимо этого, здесь даются иллюстрации к тексту рассказа, иногда целая серия картинок, последовательно, шаг за шагом иллюстрирующих сюжет. Так иллюстрируются попавшие в лубочные листы новеллы «Великого Зерцала», некоторые повести из сборника фацеций и ряд других переводных произведений.

Но иллюстрации к переводным сюжетам появляются значительно раньше лубочных листов: мы находим их в ряде рукописей, содержащих произведения, попавшие сюда из переводных сборников. Они сопровождаются здесь миниатюрами, описание которых является также одной из задач, связанных с изучением судьбы переводной повести на русской почве. Мне приходилось уже указывать, что эти миниатюры носят различный характер в зависимости от времени появления той или иной рукописи, иногда иллюстрируют один какой-либо момент рассказа, по мнению иллюстратора-миниатюриста наиболее важный, но чаще мы находим ряд рисунков, последовательно передающих развитие данного сюжета.⁷² Иллюстрируются далеко не все рассказы, а те, которые особенно нравились, стали любимыми. Так, из 850 рассказов, вошедших в «Великое Зерцало», чаще всего иллюстрировались легенда об иноке и райской птичке, повесть о грешной матери, рассказ о покаянии князя и рассказы о загробных мучениях грешников, вошедшие в синодики.

Изучая миниатюры рукописных сборников, в частности те, которые иллюстрируют переводные сюжеты, можно сделать интересные наблюдения над развитием иллюстрации в нашей литературе.

Наконец, последней из задач, возникающих при изучении переводной литературы XVII в., является выяснение ее влияния на более поздние периоды нашей литературы. Сюжеты переводных повестей и рассказов жили в XVIII и XIX вв. не только в сказке и в лубке, они неоднократно использовались писателями позднейших эпох, начиная с Симеона Полоцкого и кончая Буниным. Изучение этой стороны жизни переводной литературы XVII в. на русской почве еще только начинается. В то же время оно необходимо и для специалистов-медиевистов, и для исследователей, изучающих творчество писателей XIX—XX вв. Многие произведения писателей нового времени предстанут перед нами в ином освещении, когда будут вскрыты источники, использованные ими для своих произведений. Вот один из очень убедительных, на наш взгляд, примеров из литературы XIX в.

В новеллах «Великого Зерцала» мы часто встречаем рассказы о грешниках, которым в наказание послана тяжкая болезнь. В ряде случаев грешник раскаивается и получает прощение своих грехов. Несомненно, на основе этих рассказов, возможно известных писателю из лубочных изданий, построено стихотворение Н. А. Некрасова «Влас».

Это тоже рассказ о «великом грешнике», Кашее — мужике Власе, который, наконец, заболел, заболел тяжело. В новеллах «Великого Зерцала» грешникам часто являются видения. Видит их и Влас:

... ему видение
Все мерещилось в бреду:
Видел света преставление,
Видел грешников в аду...

Картина адских мучений, которую видит Влас, разработана Некрасовым совершенно в духе новелл «Великого Зерцала», где эта тема затра-

⁷² О. А. Дер ж а в и н а. Развитие сюжета в переводной новелле XVII века и его отражение в миниатюре. — ТОДРА, т. XVI. М.—Л., 1960.

гивается очень часто.⁷³ Здесь и бесовская сила, и змеи, и скорпионы, и удушливый смрад, и крошечная тьма, и различные виды мучений, т. е. все, чем пугают воображение читателя упомянутые легенды средневекового сборника. Влас читает свои грехи, написанные на хартии, и дает последний обет.

Внял Господь и душу грешную
Отпустил на вольный свет.

С Власом происходит то, что и с героем 204-й новеллы «Зерцала» — «О некоем болящем, иже для исповедания исцеле»: ему возвращено здоровье для того, чтобы он раскаялся в своих грехах.

Такое перерождение человека под влиянием картины вечных мучений рисуют многие новеллы «Зерцала». Здесь грешники — богачи, лихоимцы, обидчики, жестокие и бесчеловечные люди, иногда жестокие правители — обычно погибают, но люди, во сне или в видении видевшие мучения, раскаяваются и чаще всего уходят в монастырь.

Некрасов переносит сюжет на русскую почву. Он рисует в своем грешнике типичный образ мужика-кулака, мироеда. Раскаявшись, он не уходит в монастырь, а берет на себя трудный подвиг.

Влас — человек сильной души: раз дав обет, он строго держит его. Его раскаяние искренне и глубоко. Так ведут себя в подобных случаях и раскаявшиеся грешники в новеллах «Зерцала».

Мы видим из этого примера, как средневековая переводная легенда под рукой талантливого писателя расцветает новыми красками, приобретает новый, более глубокий, близкий русскому читателю смысл. В то же время ясно, что средневековый переводный сборник обогатил воображение писателя, дал ему богатый и яркий материал, с помощью которого он мог создать запоминающийся образ сильного душой русского человека.

К переводным сюжетам обращались в XIX в. многие писатели: мы найдем мотивы переводной новеллы XVII в. у Жуковского и Пушкина, у Лескова и Толстого, у Гаршина и Бунина. Многие из известных русских писателей зачитывались в детстве лубочными изданиями переводных повестей и романов. Известно, например, что едва ли не первыми книгами, которые прочел в детстве Достоевский, были приключения Бовы королевича и Еруслана Лазаревича, широко распространенные в лубочных изданиях. Читали эту литературу и другие писатели. Поэтому следовало бы внимательнее и детальнее изучить издания переводных повестей и романов, рассчитанные на широкого читателя, в частности первые печатные опыты, появившиеся еще в XVIII в.

Таким образом, перед исследователем, обратившимся к изучению переводной литературы XVII в., непочатый край интересной и разнообразной работы. В результате тщательного изучения наших рукописных богатств в советской научной литературе должны появиться полные и точные описания наличных списков произведений переводной литературы, издания памятников, выполненные на основании тщательного текстологического анализа списков по правилам и требованиям современной науки о литературе, наконец, монографии, изучающие как литературную историю того или иного произведения в сопоставлении ее с литературной историей того же сюжета у других славянских народов, так и самое произведение в его характерных художественных особенностях с его композицией, образами, стилем, художественными средствами языка, особенностями жанра.

⁷³ См. новеллы 37, 50, 51, 52, 514, 204 и другие.

Когда все эти произведения будут изданы и всесторонне изучены, будет более или менее ясно, что нового они внесли в нашу литературу, какое влияние оказали на оригинальные произведения русской литературы как XVII, так и последующих веков, чему в них могли научиться русские писатели и чем они нравились читателям.

Тогда рядом с монографиями, посвященными изучению отдельных произведений, и на их основании должны появиться работы, уточняющие значение переводной литературы XVII в. в процессе развития русской литературы, место переводных произведений в общем ходе литературного процесса. Эти работы внесут ясность в ряд важнейших проблем, связанных с изучением русской литературы XVII в.: в проблему взаимосвязей с другими народами; в проблему изучения мировоззрения русского общества XVII в., в частности в вопрос о распространении у нас идей эпохи Возрождения и гуманизма; в проблему становления жанров в русской литературе на рубеже XVII и XVIII вв. и ряд других.

В заключение следует напомнить, что для выполнения всех этих задач необходимо хорошее знание как родственных нам славянских языков, особенно польского и чешского, так и языков западноевропейских, а также пристальное изучение истории славянских литератур, польской и чешской в первую очередь.⁷⁴ Без этого работать в области переводной литературы невозможно.

⁷⁴ Из последних работ в этом плане большой интерес для нашей темы представляет книга проф. Ю. Кжижановского о польском романе XVI в. (Julian Krzyżanowski. *Romans polski wieku XVI*. Warszawa, 1962).